

А.Н. Дмитриенко

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Обман как способ достижения победы героя над врагом
(на материале эпоса бурят)**

Аннотация: В статье рассматривается обман как художественный прием героических сказаний бурят – улигеров. На основе анализа ситуаций, в которых действует богатырь, автор приходит к выводу о том, что обман чаще всего функционирует в улигерах как способ борьбы. К нему прибегают не только положительные герои, но и их антагонисты. Желая одолеть противника, персонажи пускают в ход не только дубины, луки, копья, но прибегают к такому умственно-психологическому «оружию», как хитрость. При этом протагонисты могут временно стать жертвами обмана по различным причинам: из-за угрозы порчи репутации, из-за упрека старших родственников, из-за неожиданного предательства «своих» людей и т.д. Рассмотрение обмана как приема помогает выявить в улигерах нормы поведения, принятые в эпическом мире.

Author considers deception as an art technique in Buryat's heroic epic poems – uligers. Author arrived at a conclusion that deception often functions as way of struggle. It is used by protagonist and antagonist. Personages use not only material weapon (club, bow, spear), but also such mental and psychological «weapon» as cunning. An addition, positive heroes can be deceived because of different causes. In considered examples the standards of behaviour used in the epic world are presented in figurative form.

Ключевые слова: эпос, улигер, обман, хитрость, оружие, борьба с врагом, трикстер.

Epos, uliger, deception, cunning, weapon, struggle against the enemy, trickster.

УДК: 398.332 (=512.31).

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор фольклора народов Сибири. Тел. (383) 3301452. E-mail: alina@nskbiz.ru.

Цель данной статьи – рассмотреть один из художественных приемов героических сказаний бурят – прием обмана. Согласно словарному определению, «обман – слова, поступки, действия и т.п., **намеренно** вводящие других в заблуждение». Синонимичное обману слово «ложь – неправда, **намеренное** искажение истины» [Словарь русского языка, 1999, т. 2, т. 4.]. В семантическом поле этих лексем легко увидеть три ключевых момента: 1) обман – акт намеренный, он производится с определенной целью; 2) обман противоположен истине, правде; 3) обман связан с умственными способностями субъекта. Будем иметь в виду, что, по мнению исследователей, эпос сибирских народов относится к архаической эпической формации, сложившейся в «догосударственную эпоху» [Мелетинский, 1963, с. 462]. Древнейшим мифологическим сказаниям хорошо известен герой-плут, достигающий победы путем обмана. Это трикстер, для которого, по замечанию Е.М. Мелетинского, понятие «ум» еще не отделено от хитрости и колдовства [Мелетинский, 1976, с. 186–188]. Трикстер – это, как правило, герой-первопредок, обладающий чертами воина и мага.

Нас будут интересовать следующие вопросы: кто, кого, когда обманывает в бурятском эпосе? Когда главный герой уязвим для обмана? Материалом для анализа послужили переводы 17 текстов улигеров. Вслед за Н.Н. Николаевой, разделим персонажей эпоса на отрицательных и положительных, взяв за критерий их отношение к родной земле и народу.

Положительные персонажи (герой, его сестра, жена, конь, звери-помощники) обманывают своих врагов.

- Герой отвлекает врага, чтобы расправиться с ним. Часто это происходит в эпизоде встречи героя со старухой, угощающей его чаем с червями.
- Герой или звери-помощники предлагают врагу «помощь», а на самом деле вредят ему.
- Герой дает врагу заведомо неверный совет.
- Персонаж выдает врагам ложную информацию о себе. Например, супруга героя улигера «Амагалан Богдо», чтобы спасти своих детей, уносит их в лес, коварным же дядьям говорит, что съела младенцев.
- Герой выставляет противника в неприглядном свете, чтобы подорвать его авторитет в народе. Например, герой улигера «Аламжи Мэргэн» засунул вредную для него шаманку в кадушку с курунгой.
- Героиня совершает подвиги под видом брата. Во время свадебных испытаний богатырка с конем обманывают народ: конь пьет архи (водку) вместо своей хозяйки, во время купания конь напускает пыль или туман, чтобы люди не увидели, что жених – женщина. Таким образом, в улигере создаются условия для того, чтобы богатырка смогла выполнить важную миссию: спасти своего брата, воскресить его для будущей женитьбы на суженой. То есть задача продолжения рода, которая ставится в эпосе перед главным героем, решается с помощью сестры-героини.
- Герой принимает облик своего врага. Например, богатырь в образе мангадхая (чудовища) приходит к прародительнице-мангадхайке и просит пососать молозиво, чтобы подкрепить свои жизненные силы. Когда та дает ему грудь, богатырь высасывает ее легкие. В этом случае герой осознанно использует свою способность к оборотничеству в обманных целях.

Отрицательные персонажи (мангадхай, злые дядья, иноземные ханы) обманывают положительных.

- Мангадхай принимает облик героя, чтобы подняться к небожителям и забрать обманом душу богатыря.
- Чудовище отвлекает героя, чтобы расправиться с ним. Например, мангадхайка говорит, будто за спиной богатыря – враги. Герой поворачивает голову, а в это время старуха убивает его скребком.
- Мангадхай устраивает ловушку герою, сделав жену богатыря своим союзником.
- Персонажи делают вид, будто устроили праздник в честь возвращения героя, а во время трапезы отравляют его.
- Действующее лицо отдает герою подставную невесту. Например, Баян Мунхэ-хан выдает зятю вместо дочери служанку.

В итоге мы обнаружили, что обманом пользуются как положительные, так и отрицательные персонажи. Причем, чаще всех прибегает к обману главный герой в отношении антагониста. Вероятно, причина заключается в том, что герой умнее, а вернее, хитрее своих врагов. Известный эпосовед М.И. Тулохонов заметил, что «хотя противники богатыря наделены чудовищной силой, велики ростом, живучи и жизнестойки, они все же уступают ему [герою] в «умственной силе», более примитивны в духовной сути» [Тулохонов, 1991, с. 23]. Именно поэтому обман антагонистов всегда неудачен. Однако не все противники одинаковы. Н.Н. Николаева обратила внимание на то, что в отличие от тупых и часто трусли-

вых мангадхаев женщины-мангадхайки всегда воинственны, агрессивны, хитры, коварны, способны прибегать к уловкам [Николаева, 2008, с. 61]. Это особо опасные персонажи, которых просто силой не одолеть, поэтому герою нужно применить в борьбе с ними более совершенное, умственно-психологическое «оружие» – хитрость. Можно сказать, что обман – это еще один способ борьбы с врагом наряду с силой и волшебством.

Цель эпического героя – путь к победе, создание условий для счастливой жизни рода. Логика эпического жанра «обрекает» богатыря на победу изначально. **Однако почему настолько умный по сравнению с чудовищами герой не может распознать и предотвратить направленный против него обман?** Тем более, если даже он предупрежден об опасности богатырским конем? Вероятно, здесь действует, во-первых, элемент неожиданности, неординарности события: героя губят «свои» люди, сородичи или жена. Герой получает удар оттуда, откуда не ожидает подвоха. Так, Еренсей говорит коню: *«Мэни ханай хамаган // Далан ерон елдэ // Нуулдаһан изымни // Намаяалан хардагуй!»* (А моя жена // (со мною прожила эта женщина // семьдесят-шестьдесят уж лет) // меня не предаст!) [Еренсей, 1968, стк. 1690]. В этом и подобном эпизодах показана «наивность» главного героя, его непоколебимая уверенность в верности супруги. Предательство близких можно назвать психологическим испытанием богатыря.

Во-вторых, на героя давит авторитет небожителей, старших родственников, вызывающих к исполнению родовых норм. В унгинской версии «Гэсэра» герой поверил мангадхаю Лобсоголдою, потому что он в облике ламы упрекнул его в бездетности, в отсутствии потомка, в невыполнении своей миссии: *«Абай Гэсэр хан // Гурбан хатаа асаржа, // Амар яргал яргаад нуухадаа // Үхэнэнэ бодхоохоео болоош гээд, // Үбэйрһэнэ баяжуулхаяа болоош гээд // Шамайе гурбан хатаа асараад, // Нэгэиье багаү бэй нууна гэжэ // Намайе оруулаа»* (Абай Гэсэр хан, // ты трех жен привел, // спокойно, счастливо живешь, // но перестал умерших воскрешать, // перестал обедневших обогащать, // хоть трех жен привел, // ни одного ребенка не имеешь, // поэтому и послали меня) [Гэсэр, 1960, стк. 9170]. С помощью обмана мангадхай осквернил Гэсэра и превратил героя в осла. Этот эпизод дал толчок для развития следующей сюжетной линии.

Герой вынужден поддаться обману в ситуации, когда ему грозит порча репутации, потеря авторитета в народе. Слава, имя человека, молва о нем в бурятской культуре имеет большое значение. Вспомним хотя бы ритуал имянаречения, описываемый почти во всех улигерах как важное принародное событие и традиционную эпическую формулу «Кости мужчины, чтобы в поле лежали. Имя, чтобы о нем говорили». Дядя Аламжи грозит повеситься, если племянник не подъедет к ним: *«Аши хубүүн гээшимнай // Нэлдэрэмэ нэрэйеиш, // Солдоромо сулэйеиш // Хухалхамнай!»* («Ну что же, племянничек наш, // Тогда опорочим // Известное имя твоё, // Громкую славу твою!») [Аламжи Мэргэн, 1991, стк. 2230]. Таким образом, перед героем встает выбор: либо спасти свою жизнь и проехать мимо, либо спасти свою родовую честь, не позволив дядям покончить с собой. Представление о чести членов рода имеет у бурят древние корни, отголоски которого встречаются и у современных представителей народа. Умереть на поле боя было честью, а самоубийство – немыслимым проступком, налагавшим пятно позора на весь род. Поэтому неудивительно, что честь рода для эпического богатыря оказывается важнее даже собственной жизни. Для наглядности приведем цитату:

*«Эдээни аланхаара...
Нэрэй мини эмдэлхэн!
Түрүй мини хухалхан! – гэжи,
Айлхан хүнхэн хэлсэхэл,
Алаг нохой хусахал!
Зонхон буярад хэлсэхэл,*

*«Если они умрут –
Позор моему имени,
Бесчестье моему роду.
Народ улусный осудит меня,
Пегий пес облает меня!
Все буряты осудят меня,*

Зольбо нохой хусахал!..
 Аламжи Мэргэн хүбүүн-лэ
 Мангад Шара Гахайе
 Алаагүй ерээл-даа,
 Хоер Хара Зутан абагая
 Алажи даражи ерээл-даа!
 Гэжи хэлсэхээ байнал-даа!»
 Тэрэл гэсэн бэээрээ:
 «Эдээни алажи байнхаар
 Бэээр хоро идежи
 Үххү еһо болоол-даа!..»
 [Аламжи Мэргэн, 1991, стк. 2250–2265].

Бродячий пес облает меня!..
 Скажут: Аламжи Мэргэн молодой
 Домой вернулся,
 Не рыжего мангадхая сгубив,
 Он вернулся, сгубив
 Дядей своих Зутанов! –
 Так говорить станут!»
 Вслед за тем:
 «Чем им [позволить] себя убить,
 Лучшие самому умереть
 От яда!..»

Небожители, творцы становятся уязвимыми для обмана, когда их упрекают в невыполнении покровительских обязанностей. Например, чудовище прибывает на небо в образе Хурин Алтая, среднего сына Гэсэра, и говорит небожителям: «Хүбүү заяан байзал, // Табан зуухан толгойтой, // Таби хургааг эбэртэ // Мангад хүгшин ахайда... » (Зачем такого сотворили вы сына, // который не может устоять // перед старым мангусом страшным...) [Гэсэр, 1966, стк. 20135]. Аналогичны упреки мангадхая небесным «родителям» в улигере «Еренсей» [Еренсей, 1968, стк. 6745–6750].

В некоторых улигерах проявляются отголоски матриархата, который, в частности, выражается в том, что на первый план вместо богатыря выходит богатырка. По мнению А.И. Уланова и Н.О. Шаракшиновой, первыми героями улигеров были именно богатырки [Шаракшинова, 1972, с. 125–128]. В ходе изменений родового уклада бурят (смены матриархата на патриархат) девушка в улигерах могла выйти на передний план только как замена убитого брата. Для этого-то врагу позволяется обмануть богатыря, временно его нейтрализовать, чтобы появилась возможность совершить подвиг его сестре. Например, в улигере «Айдурай Мэргэн» главного героя убила мангадхайка, едва он выехал из дома. Далее мы узнаем от богатырского коня и из книги судеб, что смерть героя была предначертана задолго до встречи с врагом, что оживить его сможет только дева-воскресительница, за которой и отправляется сестра героя [Айдурай Мэргэн, 1979, стк. 160–165].

Герой может быть введен в замешательство, не способен верно оценить ситуацию. Такая «слабость» богатыря появляется впервые в унгинском эпосе, где он теряет свои идеальные сверхгеройские характеристики, перестает быть непрекрасимым примером для подражания, эталоном. Так, Алтан Шагай не смог распознать подмену невесты на служанку. Оправдывая замешательство героя, улигершин даже озвучивает его мысли: «...Ойлгохоннайб даа гэжи // Шэбиэжи һууна» («...Может, она другой девой обернулась // Или чары волшебные показывает») [Алтан Шагай, 2000, стк. 1680]. Далее, после обнаружения истины, герой в ярости желает отомстить тестю за оскорбление, однако оказывается пристыженным своей женой [Алтан Шагай, 2000, стк. 2120–2125, 2170–2180]. Тут богатырь изображается способным проявить слабость, психологически понятным, близким обыкновенному человеку – слушателю улигера. Можно назвать это зачатками психологизма, реалистического изображения героя.

Итак, приведенные примеры показывают, что обман чаще всего функционирует в улигерах как еще одно «оружие» главного героя в борьбе с противником, как способ расправы наряду с физической силой и волшебством. Об обмане как оружию прямым текстом говорится в унгинской версии «Гэсэра». Богатырь во время битвы с чудовищем кричит спешащим ему на помощь батору и дяде: «Нэгэ багтай гараа татыи! – гэбэ – // Намтайе хаха шабишашил!» – гэбэ. // «Арга мэхээр алахымэ» – гэжэ хэлэбэ» (Придержи-ка руку немножко, // ведь и меня ты

разрубишь, // хитростью надо убить!) [Гэсэр, 1960, стк. 2995]. Герой буквально требует от соратников не просто махать кулаками, а подключать ум и смекалку.

Говоря о конкретных боевых инструментах, заметим, что эпический герой использует более современное оружие – лук, стрелы, копье, кортик. У чудовища же долгое время остаются устаревшие топор и дубина, что подчеркивает как древность образа, так и отсталость, неразвитость, тупость врага [Уланов, 1963, с. 69]. Таким образом, использование обмана в борьбе с противником демонстрирует умственное превосходство богатыря над антагонистом. При этом, говоря о модели поведения человека в эпосе, заметим, что положительные герои могут временно (из-за угрозы порчи репутации, из-за упрека старших родственников, из-за неожиданного предательства «своих» людей) стать жертвами обмана. В этих примерах в образной форме отражаются нормы поведения, принятые в эпическом мире.

Литература

- Абай Гэсэр / Подгот. текста А.И. Уланова. Улан-Удэ, 1960.
- Абай Гэсэр-Хубун. Улан-Удэ, 1961; 1966. Ч. 1: Эпопея. Эхирит-булагатский вариант / Подгот. текста М.П. Хоменова. Ч. 2: Ошор Богдо и хурин Алтай / Подгот. текста М.П. Хоменова.
- Айдурай Мэргэн / Подгот. текста М.П. Хоменова. Улан-Удэ, 1979.
- Алтан Шагай // Шаракшинова Н.О. Улигеры бурят. Улан-Удэ, 2000. С. 9–82.
- Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Новосибирск, 1991. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).
- Еренсей / Подгот. текста М.П. Хоменова. Улан-Удэ, 1968.
- Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1976.
- Николаева Н.Н. Отрицательные женские персонажи в героическом эпосе бурят: функции, семантика и поэтика. Улан-Удэ, 2008.
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999.
- Тулохонов М.И. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн» // Бурятский героический эпос. Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон. Новосибирск, 1991. С. 10–37.
- Уланов А.И. Бурятский героический эпос. Улан-Удэ, 1963.
- Шаракшинова Н.О. Улигеры как памятник духовной культуры бурят. Иркутск, 1972.